

18+

Петр Красноперов

Золото соблазнов

Роман в стихах

Петр Красноперов

Золото соблазнов.

Роман в стихах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43619635

ISBN 9785005024992

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В этом романе в стихах, написанном в 1975 – 77 году, задолго до первых публикаций, автор доверяет ямбу свои сокровенные переживания... Тема транссексуальности была позже художественно развита поэтом в книге «Лифт на Венеру».

Содержание

Петр Красноперов

5

Конец ознакомительного фрагмента.

40

Золото соблазнов

Роман в стихах

Петр Красноперов

© Петр Красноперов, 2019

ISBN 978-5-0050-2499-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Петр Красноперов

ЗОЛОТО СОБЛАЗНОВ

Роман в стихах

*Я думал, что сердце из камня,
Что пусто оно и мертво.*

И. Анненский

*

Ты, шум любви вечнозеленый,
Братанье сосен вековых,
ты ветер памяти влюбленной,
слегка соленный на язык,
как сквозь бутылочный осколок
Зеленоглазого стекла,
Я слышу гул тех дней веселых,
где жизнь так яростно цвела.
Как страстно мы тогда любили,
как суеверно, как легко
друг в друга душами входили
В свободе плена своего.
И не Венера молодая,
Не Эрос- парень удалой.

Эвтерпа- девка площадная,
Соединяла нас с тобой.
И я бесславный переводчик,
Тех вкусных образов, цевниц,
Неосторожный переплетчик,
Тех недописанных страниц,
Еще томлюсь, греховно, немо
На этом прошлом ветерке,
и ты голодная поэма,
еще как птица на руке.
Благослови, отец Овидий,
Счастливых строчек табуны
Упругий аромат событий,
и детский лад моей волны.

Пролог

Мне упиваться этим утром,
Проснувшись около тебя,
Как первобытным целокупным
тяжелым счастьем Бытия.
Быть может сам Великий Пан
сегодня нас благословляет,
Покуда на шоссе туман,
Его свирель не умолкает,
А нас, как в лучшей мелодраме,
сегодня будит кот Антон,
Своими лапами, усами,
своим урчащим животом.

Ты спишь еще, откину шторы
В болотно-золотых цветах,
И солнце явит свои взоры,
Войдет в табачный полумрак.
Глоток осеннего зефира,
Мотивы Моцарта в груди,
Легка полынь, пуста квартира,
И вечный праздник впереди.

Веселый мир вещей тетрадок,
Ты полон нежности ко мне,
На стульях вечный беспорядок,
и танцовщица на стене.
И дышат ласкою старинной
Слоны с багровых берегов,
И Сафо черные маслины
Над книжкой греческих стихов.
Кошмы румянец домотканый,
Струна счастливой наготы,
Мир сонный чувственный желанный,
Ты полон властной доброты.
Ты полон мифами и снами,
И толстозадый Купидон
Взлетев над тумбочкой с цветами
В трельяже нашем отражен.

Эй, синеглазая лягушка,
Проснись же, девочка, пора!
Лесов черниговских подружка,

и речек младшая сестра.
Ты телом золотой подросток,
Босых воспоминаний ряд,
Истома жарких перекрестков,
Ты дикий угловатый сад.
Комар ли плачет на балконе,
Сверчку ли начал говорить,
Еще хочу с твоей ладони,
Любовь полночную допить.
А утро мягко призывает,
И время к завтраку бежит,
На кухне чайник закипает,
И звонкой крышкой дребезжит.
Прекрасно этот час короткий
Посудным звоном огласить,
И пять яиц над сковородкой
Веселым ножиком разбить.
И кофемолкой серебристой
Арабик размолоть душистый
И в ароматный порошок
Вонзить гремучий кипяток.
Венера, ты уже одета,
Светла, умыта, хороша,
Полна лукавого привета,
И точно яблоко свежа.
«Любви молодой военнопленный...»
О как я счастлив целовать
Прохладу, твой изгиб коленный
Еще и снова и опять.

На кухне розовые тени,
Шуршанье солнечных часов,
И аромат молочной лени
И малосольных огурцов.

Когда из чашек кофе допит,
Темно-коричневый густой,
Когда никто нас не торопит,
Никто не гонит нас с тобой,
Мы нежной следуя привычке
С тобой садимся на тахте,
И от моей зажженной спички,
Уже воскурено БТ,
Как фимиам родной Эрате,
А вот и Анненский раскрыт,
Легки тревожные тетради,
И сено осени звенит.
Твой низкий голос открывает
Скалистый штормовой язык
Его душа еще не знает
И слух не полностью проник.
Но я вкусил скупой свободы
Рисунком точным изумлен.
Дымятся Баренцовы воды,
И сух надменный камертон.

Но шепчешь книжку закрывая,
Уже иным освещена:
«Вот, ты вчера сходил с трамвая,

А следила из окна,
Как выходил ты полдень шумный,
И жалость плакала звеня:
Какой ты тоненький и юный,
Какой ты мальчик у меня.»
И ты рукою тронешь шею,
И губ моих, едва – едва.
И я противиться не смею
Как ритуалу колдовства,
И дымку лени разрывая
Сам потянусь к твоей руке,
Тебя почти что не желая
В воздушно сладостной тоске,
А дальше дрема не пускает,
Часы стучат. Оса играет.
У наших ног свернулся кот.
Все слаще солнце припекает,
Высокий полдень настает.
Куда плывем в изгнание робком
На теплом облаке любви,
Под белоснежным тонких хлопком
Свивая шепоты свои?
И март, и жалость об ОЛЕГЕ,
И то, как остро я грустил
Когда в твоей библиотеке
Я том Петрония раскрыл.

Читал и таял и боялся,
От книги веяло родным,

Как будто сам бродягой шлялся
По римским улочкам кривым,
И выходил на козьи тропы,
Теряя – обретая вновь
У бедных мазанок Европы
Гитона нежную любовь.
Как будто сам я был Гитоном,
И спал в тепле овечьих шкур,
И по утрам гремел бидоном
Пугая итальянских кур.
Петроний, Лонг, Овидий, Татий,
И длинноухий Апулей,
счастливый взгляд античных статуй
Из влажной зелени аллей.
Арба стучит о мостовую,
спят в сене нищие друзья,
В страну любви, в страну родную
В телеге тихой еду я.

И ты мне гладишь лоб и веки,
Движеньем сестринским родным:
Так Расскажи мне об ОЛЕГЕ,
О том, как ты встречался с ним,
Ты мне рассказывал так мало,
я только помню твой приход,
Уже почти я засыпала,
Вдруг дверь сквозь сон, шаги – идет.
Вошел ты, пальцы чуть дрожали
И в поцелуи с головой,

И запах комнаты чужой,
его духов, его печали,
И ласки горькой восковой.
И сырость уличных туманов,
И ты все трепетал, все мерз,
казалось из борьбы титанов,
Ты победителем приполз.
Ты говорил – а я терялась,
какой же маленькой казалась
самой себе я в эту ночь,
и гром свалившегося знания,
Был выше бедного сознания,
Чем я могла тебе помочь?
В ту полночь мною, по- мужски
Ты тщетно овладеть пытался,
Как ни желал, как ни вжимался
Целуя плечи, рот, соски...
Но странно, именно в тот час
Твоих бессильных притязаний,
Я испытала в ПЕРВЫЙ РАЗ,
Накат любовных содроганий,

Как будто сдвинулась задвижка
В пружинно свернутой тиши,
Как будто медленная вспышка
На миг сомкнула две души.
Удар и два и полетела,
Душа ль оторвалась от тела,
В бездонно сладострастный страх,

Птенец ли скорлупу проклянул,
ОРГАЗМ! О, кто его придумал?!
И пелена любви в глазах!

Рассказывай! Я вся вниманье,
Я буду слушать и полдня!
И мне прости непониманье,
Ведь ты загадка для меня,
И хоть мы празднуем с тобою
Свое духовное родство,
Хоть стали мужем и женою, —
Ведь что-то все-таки – НЕ ТО!
Ведь я же чувствую невольно,
Ты утолен не до конца.
Пусть нам обоим станет больно,
Не отворачивай лица!
Иль мы о главном позабыли
Живые жадные птенцы,
И так ПРОГРАММНО поспешили
Под новобрачные венцы?
Ведь помню мужество той фразы,
Где ты открылся мне в страстях,
как неподдельные алмазы
В обоих показал горстях,
И слову с угольным звучаньем,
Латинским твердым окончанье,
Тогда глупа или смела —
Значенья я не придавала.
Да ты и сам едва ли верил

В судьбой подсказанный удел,
Ты все так стройно опровергнул,
Понять себя не захотел,
Назвав влечение ошибкой,
Которую себе внушал,
Но знаешь, жестом ли, улыбкой,
Себя ты все же выдавал,
А в эти жаркие недели,
Ты просто не способен лгать,
И в наших играх на постели
Ты хочешь странно поступать,
Как будто раскрываясь, будишь
Свою ДЕВИЧЕСКУЮ суть,
По женски любишь и целуешь
по женски трогаешь мне грудь.

А холмик выпуклый лобочный,
А нежной кожи аромат,
И сам ты весь такой «цветочек»,
Хоть женский шей тебе наряд».

Детство.

«... Ну что ж, начну пожалуй с детства.
Все ждали дочь. Родился сын.
Отец торжествовал наследство.
Был рад, пожалуй, он один.
Я рос застенчивым ребенком,
Но в дни мистичные мои

Уже стучались властно тонко,
Инстинкты сонные любви.
Как будто сладостные иглы
Живот покалывали мой,
Я в упоительные игры
Любил играть с самим собой,
И помню ЗНАК что мне пророчил,
И навсегда и на потом:
Как глянул он, тот колокольчик,
Призывным ласковым птенцом
Из синих трусиков мальчишки,
Когда на корточки он сел...
Забыв раскиданные книжки
О как я на него глядел,
О сладкий стыд подобный краже,
Я одного тогда желал,
Чтоб у меня вот так же, так же
Мой колокольчик выпадал.
То было первое волнение,
А было мне, наверно пять,
Полуревнивое томленье,
Нельзя в те годы распознать.

Но ярче акварельной краски,
Вкусней подарков от гостей,
Меня заворачивали сказки,
О превращениях людей,
В цветы, животных или вещи,
Я возбуждался, я дрожал.

Повествования голос вещей,
Мне дивным счастьем угрожал.
Я в наших комнатах пустынных
Бесплотных духов ощущал,
Каких-то демонов незримых
Я под кроватями пугал.

Детсада зябкие застенки
Прогорклый запах нелюбви,
Я прятал голову в коленки,
Я нюхал запахи свои.
И напрягал украдкой тело.
Что б чуть из краника текло,
И чтоб на трусиках влажнело
Как бы нечаянно пятно.
А как хотел я стать девчонкой!
Блаженный, непонятный бред!
В тоске возвышенной и тонкой
Я запирался в туалет.
В солено сладком ожиданье
Родимых мне метаморфоз
Почти в молитвенном желанье
И напряженье полным слез,
Я заклинал предмет различий
Всей детской нежностью немой,
Чтоб стал он впадиной девичьей
Мальчишеский бутончик мой!
Но как ни ждал и ни томился
Меня он слушать не хотел,

Он лишь крупнее становился,
Приподнимался и твердел.
Смешно? мне кажется, что нет,
Я бы погиб от несвободы
Но сексуальный этот свет,
Живил мечтой мои невзгоды.
Тихоня, троечник, неряха,
Больное сонное житье,
Как в легкой паутине страха
мне детство видится мое.
И в этой несчастливой жизни
Окном, дыханием, весной,
Лучом непознанной отчизны
Была мне жизнь с самим собой.
А пионерские авралы,
Линеек красных суетня,
Все то лишь больше замыкало,
И средоточило меня.

Но как мучился, как бился
Когда я все-таки проник,
Когда я все-таки добился,
Опасных судорог своих,
Журчали тихо батареи,
Тянуло сквозняком вины,
В мою оставленность смотрели
Фрамуги ржавые весны.
Нет, не «наука страсти нежной»,
Глухой забор в мое судьбе,

Я гул влечения утешный
как бы размазал по себе.
Но как я люто ненавидел
За унижение, за снобизм,
Всю эту школьную обитель,
Полувоенный коммунизм.
Засунув ноги в радиатор,
Я об уроках забывал,
томленьем запахом накатом
Туман волшебный наплывал.

В своем мечтанье одиноком,
В садах болезненной тоски,
Я пред зеркальным гардеробом
Стал чаще замедлять шаги,
Где все потерянной и жалче
я сам себя не узнавал,
Где худенький красивый мальчик
меня все больше волновал,
Мы лишь в начале чуть стеснялись,
Когда ж пустел вечерний дом,
Мы друг пред другом обнажались
И прижимались животом,
Сливаясь бедрами плечами,
Я с ним ресницами играл,
Зеленоватой амальгаме,
Я душу нежно поверял,
Закрыв глаза, куда лечу я? —
Так было сказочно легко,

Вдыхать мне след от поцелуя,
Как губы бледные его:
«Мой маленький, тебе не грустно
меня в моем стекле любить,
Тереться, целовать, тянуться,
Не губ тепло, а холод пить,
Как остро, высоко, печально,
томится музыка любви,
Она безвинна и кристальна,
ее поют черты твои.
Тебя родную половинку,
Найду ли где я, чтоб обнять,
Поцеловать твою ложбинку,
Твой стебелек к губам прижать,
И эти смугленькие ноги,
Уснем – мы девочки с тобой,
Как мы хрупки, как одиноки,
Мой томный, милый, голубой.
Прогнись навстречу как наяда,
Сомкнись со мной в слезах игры,
Как пахнет мягкая помада,
Похищенная у сестры.
Пусть унижение, пусть обиды,
Чернорабочий горький пот —
Звезда соленая Киприды,
Мой нежный, над тобой встает.»

Но ниспадало напряжение,
Стекала млечная смола,

Я отходил без сожаленья
От запотевшего стекла.
Подросток трепетный и нервный,
Чего желать я лучше мог,
Я дымкой страсти эфемерной,
Кормился точно мотылек.
А остальное шло в усилия
На эту жизнь настроить слух,
И образов цветные крылья
Уже захватывали дух.
Неповоротливый на ласку
Угрюмой внешностью своей,
Внутри себя я строил сказку,
Все совершенней, все светлей.

Но жизнь тащила, слава Богу,
В реальность из больных квартир,
Душой и сердцем понемногу,
Я прорывался к людям в мир.
«Весна, весна на белом свете!»
И шапку с головы сорвать.
В громадном дедовском буфете,
Сверкают книги с буквой «ять»
Я открывал их, строг и светел,
Дыша их пылью вековой,
И строчка «СВЕТ ЕЕ ЗАМЕТИЛ»
Мерцала тайной роковой.
В кругу товарищей дворовых,
Где нес я прозвище «Кашей»,

В кругу насмешек их здоровых,
Кусачих яростных клещей,
Я лишь прочнее становился,
Я нежность слал ко всем чертям,
У них я с завистью учился
Сорвиголовым злым страстям,
Дрожал в испуге эскалатор
Взрывая сонную молву,
Спортивно хищные волчата
Мы брали приступом Москву.
Ах, я тогда не задавался
Коммуникабелен иль нет!
Я в мир летел, долбил, толкался
В преступном чаяньи побед.

Но НЕЧТО властно наплывало,
И сердце громыхало вниз,
И в кокон женский замыкало,
Бросало в милый онанизм,
Как от зажиточных соседей
вновь отходил я от друзей,
И лез во тьму энциклопедий
И медицинских словарей,
И в них «пороки» пил родные,
И выходил как в океан,
И длинный звук «Дисгармония»
Звучал как бездна, как орган.
Мне чужд был яростный и куцый
Друзей моих животный пыл,

Ведь в первом сне моих поллюций
Не девочка, а мальчик был.
Где мужество мое, где гордость,
Одним дыханьем теплых ног,
Ломая власть мою и твердость,
Он рабство сладкое зажег.
О первый сон! Позорный ордер,
Упасть, колени обхватить,
И в пойму медленную бедер
Глаза и губы погрузить.

Но луч из ПРАВИЛЬНОГО мира
Достиг меня, предстал судьбе,
И имя трепетное – Ира,
Я как звезду прижал к себе,
Что делать мне с той синей шубкой,
С горячим светом мягких глаз,
Широкоскулой, теплой, хрупкой,
Любуясь, радуясь, гордясь?
О, полноправное движенье
К свободе, к людям, насовсем,
Души живое проявление
Не запрещенное никем.
Любить и тенью не коснуться,
Любить и слова не сказать,
И так возвышенно тянуться,
Тобою душу наполнять.
Как плотен синий воздух чувства,
Как сладок первый разговор,

Как отвратительно и чуждо,
Все, что имел я до сих пор.
Как будто я лишился тела,
Все этот свет девичий пью,
И я кричу – не ваше дело,
Пусть слышат все, что я люблю!

Но тело тайно возвращалось
Недоумением любви,
Снежинка чувства растворялась
В пахучем теплом бытии.

Октябрь. Сестренка в интернате.
И в отпуске отец и мать.
Лежу в огромной их кровати,
Лень раскладушкой гроыхать.
Тепло под этим одеялом,
В окошке полная луна,
ее серебряным металлом
вся комната озарена.
Сегодня полночью прозренье,
Сегодня с горечью пойму,
Свою судьбу, свое влечение,
И не откроюсь никому.
И повторю жестокий вывод,
себе открывшись как врачу,
И страсть живую уличу,
И поклянусь не дать ей выход.
И вспомню все, и тело друга,

И тщетно скрытый сладкий пыл,
Когда отчаянно и сухо,
Я учащенный пульс тушил.
И отведу насильно взоры,
И образ вызову другой,
Но облик девочки нагой,
Не даст той чувственной опоры.
В нем будет свет, душа, движение,
И красоты небесный лед,
Но сладострастное течение,
Увы, пред нею опадет.
И вот тогда я обнаружу
В самом себе вдруг так легко
Вторую, чувственную душу,
Что пьет земное молоко.
Пойму, что нет милее речи,
какой не подводи закон,
Чем те, мальчишеские плечи,
Чем тот, мальчишеский бутон.
Что чем сильнее я отрекаюсь,
От той непрошенной любви,
Тем глубже, глубже вовлекаюсь
В ее плакучие струи.
Как в черной золотой купели
Под звездный свет, под лунный гул,
В бездонно пуховой постели
Я засыпал и не тонул,
И два цветка благоухали,
Два нежных пола предо мной,

Один был мальчик- знак печали,
Другой девичий – пах весной,
Светились, плавно затухали,
И каждый звал меня с собой.
Две плоти, два благоуханья,
Та сладостна, та солона,
Зачем на каждое дыхание
во мне настроена струна.
А звездный ветер слушал мессу,
Как инструмент меня держал,
И обрывал мужскую пьесу,
И пьесу женскую играл.

Прости возвышенная Ира,
Я бы хотел любить тебя,
Но мне не выбежать из мира,
Но мне, нельзя сломить себя.

Сон в зимнем лагере.

Костер трещит, и ельник дымный
так странно мне глаза слезит.
Прощай, прощай, наш лагерь зимний
Мир солнца, радостей, обид!
Синеют зимние дорожки,
Созвездья первые зажглись,
Уж развернул меха гармошки
Наш хромоногий баянист.
Прощальный бал, прощальный танец,

играем в «почту» допоздна.
А ночь исполненная таинств,
Прошла поземкой вдоль окна.
Наш дом бревенчатый и прочный
по окна занесенный в снег,
Наверно в этот час полночный
похож на маленький ковчег.
И мы в нем 20 человек.
13 лет – опасный возраст,
Глаза на девочек косят,
А клуб в бумажных лентах, звездах,
Ах, мы давно не детский сад.
И на смешном клочке бумажки
От общей взбалмошной тоски
Строчу записочки Наташке
Про то, да сё, про пустяки,
И жду ответ, и нет ответа,
И на рассыльного сержусь,
Он обижается на это:
«Я добросовестно тружусь!»
Шум, бег, хихиканье девчонок,
Записки, хлопанье дверей.
А скрип полуночных поземок
Вдоль наших окон все слышней.
В последний раз с тобой танцую
Наташа, словно бы рискую
Твою ладонь в своей сжимать.
Себя стыдиться, понимать,
Что так уцербен, что карманы

До бедер продраны у брюк.
Что часто в глупые туманы
Впадаю от своих же рук.
А серые глаза Наташи
В волшебной клубной духоте
Блестели, звали жить иначе,
О жесткой пели чистоте!
Но – время! Славкою – вожатым,
Бал остановлен. Быстро спать.
Нас разгоняют по палатам.
Кто колобродит? Марш в кровать!
...Мне веки сон смежал легонько,
Но я еще не засыпал,
Как дверь открылась вдруг тихонько,
И я рассыльного узнал.
Он мне протягивал записку.
Как? От Наташи? Вдруг? Сейчас?
Ты что? Но поклонившись низко
Он тихо за дверьми погас.
Давно спала палата наша.
Я глянул, что там на листе.
Письмо писала не Наташа.
Оно светилося в темноте!
И знаки языка чужого
Горели руку серебра,
Но понял я три сладких слова,
Три знака: Я люблю тебя!
И сила вдруг в меня дохнула,
Я всплыл с постели голубой,

Дверь точно ветром распахнуло
В пустынный коридор ночной.
Почти что не касаясь пола
Я шел беззвучно вдоль палат
На зов певучего глагола,
Шел как лунатик наугад.
Но мгла рассыпалась опала,
И вот мне комната предстала,
Свечение голубых снегов,
И запах плоти и цветов.
И как под пологом прозрачным
Мерцаньем трепетным омыт
Предстал он мне на ложе брачном,
Свет, Божество, Гермафродит.
И синих глаз девичий стыд.
Смуглела золотая кожа:
Ко мне, ко мне! Я твой удел! —
И к теплomu дыханью ложа
Я тихо-тихо полетел.
Он как бы вверх поплыл всем телом
В лучах томленья своего,
И на губах зашелестела
плоть шелковистая его,
Я ничего не видел краше,
Когда как мрак могучих гроз
как свет, как жизненную чашу
Он Лоно мне свое поднес.
И я упал лицом как в счастье,
Дыша предобморочно им,

в провал влагалища сладчайший,
С приросшим фаллосом мужским.
Как в самый эпицентр СЛИЯНИЙ,
Как в корень – Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ,
А грозы сытных содроганий,
Уже качали плоть мою.
...И долго, долго я дивился
Уставясь в темный потолок,
Кто это был? Кто мне приснился?
Но ничего понять не мог.

Муза

– Итак, построились по росту!
Начнем разминку. И, раз-два! —
Сквозь лет наносную коросту,
Ловлю, ловлю твои слова.
Гляжу почти благоговейно
Исполнить так как ты велишь,
У края гулкового бассейна,
Живая, сильная стоишь.
Я весь в твоей чудесной власти,
Пробежка, поворот, подскок,
Небесно голубой эластик,
Тугие линии облек.
И аромат созвучий пряных,
непостижимо светлый гнет,
И глаз, зеленоватых, странных,
почти что равнодушный лед.

Пред нашим злым несовершенством
стоишь с хронометром в руке,
Слилось девическое с женским
в твоём привольном голоске.
И веет яблочною силой
От рук, и розоватых щек,
И от волос головки милой
Резинкой стянутых в пучок.
В бассейне блики как стрекозки,
Ты дышишь нежно горячо,
Бретелек узкие полозки
Вонзились в мягкое плечо.
Еще не стала мне судьбою,
Но как блаженную беду
я смутно чую над тобою
Бессмертья строгую звезду.
И чувства нового рожденье,
Мне слышится в моей груди,
Ты майских гроз предупрежденье,
Ты голос утра- « выходи!»
Моих страстей ПРЕОБРАЖЕНЬЕ»
И пахнет садом ДЕВЯТИ.
Не прекращай, руководи
Мой тренер, мой руководитель,
Из душных комнат выводил,
Грядущих строф освободитель.
Я плотью чувствую своей-
Всего меня к ногам положишь
И своеволию страстей

каналы певчие проложишь,
И совершением любви,
Полней животного сращенья,
мне станут отзывы твои
В запретный час стихосложения.
Грядешь в свободно синем звоне,
предтечей, музыкою сфер,
И в грозной маленькой ладони,
Стучит стальной секундомер.
Но ты не слишком поощряла,
Меня, но впрочем, иногда,
мое усердие отмечала,
Усмешкой глаз, усмешкой рта.
И я напрасно тратил пыл,
Для ободряющего слова,
в те дни твоим любимцем был,
какой-то хилый мальчик Лева.
Мы все смеялись над ним,
но он владел счастливым «блатом»,
Ты наклонялася над ним,
Так нежно, как над младшим братом.
О, нет, тебя я не любил!
Тот гул был слишком не по летам.
Как рыба воздух я ловил,
Едва лишь думалось об этом.
Едва глаза я отдавал
туманам чувственных мгновений —
Я еле сдерживал обвал
почти смертельных наслаждений.

– Прямее ноги! Выдох в воду!

Не забывайте, через нос! —

Взлетая к бисерному своду
сырое эхо понеслось.

– Не так, не так. – Присев на кафедру.

– А так! Прямее локоток! —

Опять тебе я не потрафил,
Но этот нежный голосок,
но эта ласка снисхожденья,
твое, твоё руководство,
вливает в нитки детских жил
Густую плазму звездных сил.

Почти у самых глаз моих
Дыханье ног твоих чудесных,
Все десять пальчиков нагих,
все десять ногтей прелестных.

Я глажу взором мимолетным
Их беззащитность их молчок,
И между пятым и четвертым,
Купальный втянут ремешок.

И мне почти не вероятно,
Что ты близка как никогда,

– Да, – я твержу! – Мне все понятно.

О темных корточек беда!

Ты женщина или богиня,
или бутон в котором свет,
Живая теплая святыня,

Вишнево яблоневый свет.

И там где таинством вселенной

мерцает девичья звезда
куда от ласковых коленок
Втекают линии стыда,
Где кожу нежно золотую
стянули трусики твои,
Я сердцем падающим чую,
Взрывную проволоку любви.
Тугую проволоку страсти!
Вот кто всего меня возьмет!
И обоймет мои две власти,
И все застенки разметет.

Пробьют часы в воскресном марте
И этот зал покинем мы.
на подсыхающем асфальте
сгорает влажный след зимы.
Беспечно школьная прогулка,
И синева и черный снег,
и метромост летящий гулко
Куда-то в двадцать третий век.
Друзья, пойдем болтать, смеяться
Закинув сумки за плечо,
беспечно радостно влюбляться,
О жизнь, целуй, еще, еще!
О я родился не напрасно,
Но небесам твои пропеть,
одно, одно, как ты прекрасна
И в эти небеса ВЛЕТЕТЬ!

Мне снился вечер грозовой,
Листва дворов едва дышала,
На нашей пыльной мостовой
Толпа кого то окружала,
Казалось в странную лапту
играет улица кривая,
Уди- уди держа во рту
Смеясь, куражась, приседая,
– Гермафродит, гермафродит!
Визгливый хохот раздавался.
И кто то загнанный навзрыд
В толпе насмешливой метался,
И я вдруг встретил взгляд его,
И понял в трепете гонимом,
Родней не будет никого,
Он был моим, он был родимым,
Тот мальчик сфинкс, тот нежный сон,
В слезах валяющийся к прохожим
Невинный, в том, что он рожден,
Таким чужим и непохожим,
Я понял, это не игра,
И только я его спасенье
Из арки серого двора
Я вышел в круг его мученья,
Под смех, и крики- Погляди!
И вопреки железным силам,
И он припал к моей груди,
Лицом заплаканным и милым,
И мы прижались не стыдясь

хулы и уличного хая,
Слезами сладкими делаясь,
Друг другу души согревая,
И жизнь как музыка лилась,
И это были звуки Рая.

Алик.

А время шло, недели плыли,
Зима придвинулась опять.
В квартиру нашу поселили
Соседей новых. Сын и мать.
Сын знал меня. И сердце сжалось,
Так очень странно получалось:
Ведь дама сердца моего
Училась в классе у него.
Нет, нет – не Ира, а другая,
иная высшая тоска,
Владела мной не затихая,
Нежна, стыдлива, глубока.
Я полюбил ее надменность
Истому, вялость, худобу,
И губ загадочную бледность,
И рост, и прыщики на лбу.
Она являлась мне в аллеях,
Среди неожиданной тишины,
Как тонкий сон об асфоделях,
Как слабый ветерок весны.
Она совсем меня не знала,

Не имени, и не лица,
Когда с подругами сбегала
Во двор со школьного крыльца,
Как часто я, ее походку,
Улыбку, легкость, светлый плащ,
Лелеял шепотом, вдогонку
Из подворотни неудач.
И я не мог вчерашний школьник,
не мог навстречу ей шагнуть,
С высот влюбленностей окольных
Свиданьям руку протянуть.
Да нужно мне все это было?
Я твердо знал, что я люблю.
ее явление окрылило
Казалось, будущность мою.
Я влекся к ней не страстно, вяло,
Дыша, как запахом цветка,
Ее присутствие рождало
Бесплотных строчек облака.
Но вот сосед мой новый, Алик...
Я рассказал ему про все,
О ней, и о своих печалях.
Да, да. Он знал меня в лицо.
Он помнил вид мой невеселый
В потоке школьников живых,
Когда торчал я возле школы,
Лицо упрятав в воротник,
Он был помладше на 2 года
Глаза, веснушек нежный дым.

«Зазноба княжеского рода» —
Она училась вместе с ним.
Он говорил о ней не мало,
Но для меня она была
Всегда в сиянье идеала,
И стать обычной не могла.
И он, что с ней соприкасался,
Хохмил, и даже дрался с ней,
В своих признаниях казался
Светлей, загадочней, нежней.
И та простая напоенность,
Ее сияньем слов его
Будила чистую влюбленность,
Коснуться друга моего.
Ее отметки и проказы,
Ее друзья, снежки, кино,
Я полюбил его рассказы
О ней, как легкое вино.
Так мы дружили, все же странный
Был Алик, этот мой сосед,
Застенчивый, слегка жеманный,
В свои 15 с лишним лет.
Похожесть или просто жалось,
меня он чем-то привлекал,
И наша дружба поощрялась,
ведь он по школе отставал,
Мы запирались в комнатухе
Включали старый КВН,
Блеск глаз, слова, его веснушки,

И сладкого волненья плен.
И хоть сознание не мутилось,
И я в руках себя держал,
Но так в тот вечер получилось,
Что я его поцеловал,
Припал с поспешностью неверной,
Едва коснулся теплых струй.
О мой нечаянный, мой первый,
Живой бездумный поцелуй!
Приник, как будто бы балуюсь,
Прижал, как будто бы шутил.
— Скажи, я правильно целуюсь? —
Я еле шепотом спросил.
Все настроенье этой встречи
Все говорило: Можно, тронь,
Я опустил сутуло плечи,
Я в руки взял его ладонь,
Родную в ссадинах, чернилах,
Безвольную, к себе прижал,
Дыханье мне перехватило,
И гром по телу побежал.
Что сны! Что девушки в аллеях!
Как эти пальцы солонь,
Я нюхал стертые в коленях
Его суконные штаны,
Я мерз в дрожащем цепенении,
Я свился в ждущую струну,
сглотнуть пытаюсь напряжение,
Я тщетно сглатывал слюну.

– Прости, я голову теряю,
Когда о ней тебе шепчу! —
Я лгу, и жмусь, и повторяю:
Я целовать тебя хочу!
А он, устроившись с подушкой,
Глядит с улыбкой равнодушной,
Лежит, лежит податливым таким:
Ты все же слишком возбудим.
Целуй, ты знаешь, мне приятно,
Я как во власти полусна,
хотя мне все же не понятно,
ведь я же вовсе не она! —
Но я уже спешу руками
ему ковбойку расстегнуть,
Спешу, чтоб бледными губами
К его живой воде прильнуть,
...Сначала рот, упругий, светлый,
Соски, подмышек милый пот,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.